

«Теперь все решают военные»

Феликс Шмидт | 10.09.2020

Сирия, Ливия, Восточное Средиземноморье, а теперь Кавказ – Турция присутствует во всех кризисных зонах. Феликс Шмидт из Стамбула о ее мотивах.

Данное интервью доступно также на [немецком](#) языке

Интервью провела [Клаудиа Детч](#)

Сейчас происходит эскалация конфликта между Арменией и Азербайджаном. Турция, по крайней мере опосредованно, участвует в нем. Правительство в Анкаре требует полного «ухода» Армении из Нагорного Карабаха. А премьер-министр Армении даже утверждает, что турецкие офицеры отдадут приказы Азербайджану атаковать этот регион. Какие интересы преследует Турция на Кавказе?

Турция считает Азербайджан своим ближайшим союзником. Президент Реджеп Тайип Эрдоган часто повторяет, что обе страны являются «единой нацией в составе двух государств». А вот отношения с Арменией с момента основания республики и геноцида армян того периода остаются напряженными. Между этими странами нет дипломатических отношений, а граница закрыта. Кстати, оппозиционная социал-демократическая «Республиканская народная партия» (СНР) полностью разделяет

позицию правительства в этом вопросе.

С точки зрения Турции не вызывает сомнений тот факт, что военный конфликт в Нагорном Карабахе начала Армения. Такое мнение спорно, ведь Армения в принципе не заинтересована в изменении ситуации «замороженного конфликта». А вот Азербайджан – вполне. Безрезультатные переговоры в рамках Минского процесса, инициированные в 1992 году ОБСЕ, были на руку Армении, так как позволяли сохранить статус-кво, отвечающий интересам армянского населения Нагорного Карабаха.

Как Турция, так и Азербайджан давно требуют завершения Минского процесса и безоговорочного вывода армянских войск. Обе эти страны считают размещение контингента войск Армении в Нагорном Карабахе нарушением международного права и отныне пытаются добиться решения этого вопроса военным путем. И хотя Турция на официальном уровне не пошла на прямое военное вмешательство, однако всегда четко давала понять, что в случае обращения Баку с просьбой о помощи незамедлительно предоставит свою поддержку. К тому же есть непрямые свидетельства присутствия сирийских наемников в этом регионе. Военное сотрудничество между двумя странами за последние годы заметно активизировалось.

Турция все больше вмешивается в международные конфликты в Сирии, Ливии, Восточном Средиземноморье, а отныне и на Кавказе. Какой стратегии придерживается тем самым президент Эрдоган?

Турция все больше считает себя региональным гегемоном и пытается утвердить свои интересы преимущественно посредством применения жестких, иными словами, военных средств. И хотя конкретные мотивы вмешательств в разных случаях разные и продиктованы либо экономическими интересами (нефть и газ), либо интересами в области безопасности, значительную роль играет усиливающийся национализм в этой стране. При этом президент принимает решения не самостоятельно, а вынужден считаться с позицией своего ультраправого партнера по коалиции – «Партии националистического движения» во главе с Девлетом Бахчели. Он безо всякого стеснения подталкивает Эрдогана к таким шагам, и, по мнению многих турков, стал по сути субъектом принятия решений в области внешней политики.

Второй причиной стал обостряющийся экономический кризис в стране. Своими внешнеполитическими авантюрными действиями президент Эрдоган надеется сплотить вокруг себя нацию и отвлечь внимание от экономических трудностей, которые привели к растущему обнищанию широких слоев населения. Именно конфликт на Кавказе и проявившаяся при этом широкая поддержка населением Турции Азербайджана вызвали подъем националистических настроений среди большей части граждан страны.

В Западной Европе активное участие Турции в таких зонах конфликтов натолкнулось

на резкую критику. А каково отношение населения Турции к подобным геополитическим амбициям?

В целом они находят очень широкую поддержку, даже невзирая на различия, которые нужно учитывать в каждом отдельном случае. В споре на Кавказе, как уже было сказано, преимущественное большинство населения – на стороне Азербайджана. Большая часть турецких граждан считают чрезмерными и притязания Греции в конфликте в регионе Восточного Средиземноморья. Крупнейшая оппозиционная партия CHP, а также другие оппозиционные партии и тут поддерживают правительство Эрдогана. А вот в случае с вторжением в Сирию неоднозначную реакцию вызвало разрушение автономной курдской области Рожавы (Сирийский Курдистан) на северо-востоке Сирии вопреки тому, что большинство людей выступают против диктаторского режима Башара аль-Асада.

В целом внешнеполитическая доктрина «никаких проблем в отношениях с соседними государствами», разработанная прежним министром иностранных дел, а затем и премьер-министром Ахметом Давутоглу, в которой делалась ставка на дипломатические инициативы, сдана в архив. Теперь все решают военные, и многие турки поддерживают такую смену парадигмы.

Использование войск за рубежом поглощает огромные средства. При этом экономика Турции совсем недавно испытала исторически рекордный обвал. Как все это совместить?

В настоящее время экономическое положение Турции в самом деле трудное, но высокий уровень военных расходов в общем бюджете страны не подвергается сомнению. Да и в противоположность тому, что часто преподносится, экономика совсем не на краю пропасти. В 2019 году государственный долг составил 33 процента от ВВП. Это совсем не критический уровень. И как показывает история многих стран, в кризисные периоды появляется возможность мобилизации ресурсов, которые придают легитимности внешнеполитическим авантюрным шагам правительства.

На прошлой неделе ВОЗ подвергла острой критике правительство Турции за то, что в течение нескольких месяцев количество людей, инфицированных коронавирусом, искусственно поддерживалось на низком уровне. Какова сейчас ситуация в стране?

Уже некоторое время ежедневно оглашаемые министром здравоохранения Фахреттином Коча статистические данные вызывают сомнения. В частности, Союз врачей Турции постоянно обращает внимание на расхождения между публично обнародованными данными и реальным положением дел в клиниках. Теперь министру пришлось признать, что вопреки требованиям ВОЗ он оглашает не число инфицированных людей, а количество пациентов, которые поступили на амбулаторное или стационарное лечение. А потому число пациентов, составляющее от 1400 до 1500 человек в день, значительно ниже количества случаев заражения. Министр заявил, что

из свыше 100 тыс. тестов, которые делаются каждый день, примерно 10 процентов дают положительный результат. Тем самым можно предположить наличие примерно 10 тыс. случаев заражения в день. Если исходить из того, что менее 10 процентов реально нуждаются в медицинской помощи, получается даже 14 тыс. инфицированных. В связи с этим Союз врачей потребовал отставки министра. Но тот многозначительно сослался на защиту национальных интересов, которая не менее важна, чем охрана здоровья населения. В этом случае имелось в виду, что Турция непременно должна сохранить репутацию безопасной для отдыхающих страны.

После крупных демонстраций прошлых лет против правительства Эрдогана сейчас об оппозиции слышно мало. В чем причина?

Правительство, в особенности после акций протеста в Гези в 2013 году, приняло меры для предотвращения повторения подобных демонстраций. Принято множество запретов на собрания граждан, акции протеста пресекаются в зародыше, многие предположительные зачинщики движений протеста попали за решетку. Лишь в качестве примера упомяну имя мецената Османа Кавалы, который с 2017 года находится в предварительном заключении. Европейский суд по правам человека признал его арест незаконным и принял решение об освобождении. 18 февраля он в самом деле был оправдан одним из судов Стамбула. Но при выходе из заключения его снова арестовали и по другим обвинениям уперли в тюрьму.

Таким образом, выступления против режима Эрдогана не закончились, однако критически настроенным движениям гражданского общества приходится искать новые, менее бросающиеся в глаза формы протеста.

Политическая оппозиция продолжает активно действовать и пытается демократическим путем добиться смены режима. Отчетливее всего это проявилось на местных выборах в марте 2019 года, где ей удалось одержать победу во многих крупных городах, в том числе Стамбуле и Анкаре. Посмотрим, удастся ли на следующих национальных парламентских и президентских выборах, которые должны состояться в 2023 году, добиться демократической смены власти.

Во время саммита на прошлой неделе главы государств и правительств ЕС договорились о двунаправленной стратегии в отношениях с Турцией: повторное введение санкций против Турции в декабре должно сопровождаться одновременным предложением дальнейшего развития таможенного союза. Произведет ли такой подход вообще какое-либо впечатление на Эрдогана?

Угрозу введения санкций в Турции воспринимают весьма серьезно. У правительства такая перспектива вызывает очень нервную реакцию, поскольку это может повлечь за собой ухудшение и без того тяжелого экономического положения. Соответственно жесткой оказалась и критика решений саммита ЕС со стороны правительства. В то же время всем сторонам ясно, что без Турции никак не обойтись при решении конфликтов

разного рода в этом регионе. Но и соглашательство с ней не приведет к решению этих проблем. В таких обстоятельствах вполне целесообразной может оказаться политика кнута и пряника. И хотя вступление Турции в ЕС не рассматривается больше в качестве реальной возможности, диалог о совместных действиях, базирующийся на учете интересов соответствующих стран, а в идеале всего ЕС, мог бы оказаться полезнее, чем разрыв отношений с опостылевшим соседом. Достаточно напомнить о соглашении по вопросу беженцев, которое, несмотря на критику некоторых его частей, в целом избавило ЕС от массы проблем.